

Сцена из гоголевской «Шинели»

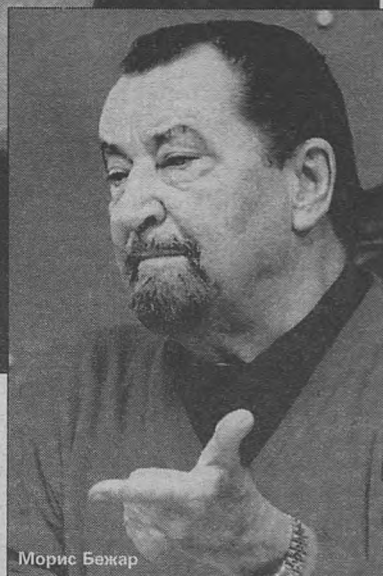
БАЛЕТ

Моск. новости - 1999 -
7 дек. - с. 25.

ПРИНЦИП

Лоскутного одеяла

Выдающийся хореограф Морис Бежар со своей труппой «Бежар Балет Лозанны» недавно побывал в Киеве, где показал мировую премьеру балетной версии гоголевской «Шинели».

Морис Бежар

В последнее время, — рассказывает балетмейстер профессору Юрию СТАНИШЕВСКОМУ, — я нахожусь под очень большим влиянием гения Гоголя. Меня все сильнее увлекает его необычный, фантастический мир. «Шинель» — лишь первый шаг к постижению его творчества. Впереди, надеюсь, «Ревизор», украинские повести. Пока это только мечты, а не планы. О планах я не привык распространяться. Нужно сначала сделать, а потом говорить...

Морис Бежар — легенда мирового искусства. Балетмейстер, оперный и драматический режиссер, сценарист, педагог, литератор, философ, он в то же время воплощает собой тип сверхсовременного супермена. Изысканный европеец, единственный из хореографов действительный член Французской академии, он двадцать лет назад принял ислам, преданно и самозабвенно любит Восток. Бежар величав, демонически красив, полон энергии, хотя 1 января ему исполнится 73 года.

Актёрский состав моей труппы, — продолжает хореограф, — часто меняется, каждый год в нее вливаются молодые силы. Сегодня средний возраст моих танцовщиков 22 — 23 года. В танце есть, конечно, выдающиеся личности, над которыми время не властно. Такова Майя Плисецкая, для которой я поставил балет «Айседора» и дал ей главную сольную партию в «Болеро».

Вы много работали с русскими танцовщиками. Что вас привлекает в них?

— Я сам в какой-то мере воспитанник русской школы. Учился у многих педагогов. Но, пожалуй, самыми важными для меня были уроки в балетной школе в Париже у замечательной дягилевской балерины Любови Егоровой, а потом в студии танцовщика и балетмейстера «Гранд-опера» Бориса Князева. И, конечно же, содружество с Лифарем, великим мастером и заботливым учителем. Он искренне поддерживал мои первые балетмейстерские опыты, когда мои необычные опыты многих раздражали и возмущали. Признанный мэтр, художественный руко-

водитель «Гранд-опера», он с открытой душой встретил мою «Симфонию для одного человека» — балет-исповедь на музыку Пьера Арни и Пьера Шефера. Это было в 1955 году. Очевидно, тогда я и родился как балетмейстер. Об этом сказал сам Лифарь, который был в то время на вершине славы и мог не заметить начинающего хореографа.

— Возможно, вы слышали, что в Киеве проводится Международный конкурс артистов балета и хореографов имени Лифаря?

— Это пример для всей Европы, которая до сих пор не научилась по достоинству ценить своих великих художников.

— А какого вы мнения о самом творчестве Лифаря? Некоторые считают, что оно старомодно.

— Лифарь реформировал не только французский, но и весь европейский балет. Он был новатором, смелым разрушителем канонов и трафаретов, открывшим путь к обновлению языка классического танца. Без Лифаря не было бы всех современных достижений балетного театра Европы. В его постановках, очень музыкальных, всегда присутствовали родовые, славянские черты: напевность и широта линий танцевальных композиций, полиритмичность, задумчивость и грусть в сочетании с эмоционально открытым выражением хореографической мысли. Эти же черты привлекают меня и в русских танцорах, с которыми я сотрудничаю с истинным удовольствием. У них прекрасная профессиональная школа, а это основа для любых экспериментов. Они быстро «схватывают» мой язык. Со мной уже более десяти лет работает замечательный педагог-хореограф, в прошлом солист Большого театра Азарий Плисецкий, брат Майи. Он ведет уроки классического танца, и для моих артистов это очень важно. Мне было очень интересно работать и с Рудольфом Нуреевым, для которого я сочинил «Песню странствующего подмастерья» на музыку Малера. Недавно состоялась встреча с Митией Барышниковым, танец которого льется, как задушевная песня. Мне

кажется удалось раскрыть новые грани его индивидуальности в монобалете «Пиано Бар», премьера которого состоялась в прошлом году в Париже на Международном фестивале танца.

— В завершение киевских гастролей вы показали отрывок из одноактного балета «Игорь и я» на музыку Стравинского. Какова роль этого композитора в вашей жизни?

— Этот балет очень личный, почти автобиографический. Я написал пять книг мемуаров, но наиболее полно моя жизнь отразилась в моих постановках. Для меня Стравинский был больше чем друг — это мой идеал художника, учителя. Он создатель гениальной музыки, которая сопровождает меня всю жизнь. «Петрушка» и «Весна священная» были одними из самых первых моих удачных балетов. «Игорь и я» — это своеобразный урок у композитора, голос которого, записанный когда-то мною во время репетиции, звучит в спектакле.

— Для кого вы создаете свои постановки: для элиты или для широкой публики?

— Я никогда не думал об этом. Полагаю, что настоящее искусство понятно всем. Мы постоянно выступаем в переполненных залах. Это может быть и сверххаризматичная «Гранд-опера», и многотысячный стадион. Мои балеты очень разные, как разнообразна сама жизнь. Я — пестрое одеяло, состоящее из разных маленьких лоскутов, оторванных мною ото всех, с кем я встречался и дружил. Более 30 лет мы дружили с Джанни Версаче, который создал чудесные костюмы к двенадцати моим спектаклям. Можно ли забыть сотрудничество с Хорхе Донном и Фредди Меркьюри, совместную работу с великим Сальвадором Дали, с композиторами Пьером Булезом, Пьером Анри, Нино Рота, с гениальным Федерико Феллини, с Марией Казарес, с Марго Фонтейн?.. Мои постановки, а их около 250, — это прежде всего встречи с друзьями, с любовью, с музыкой. Они рождаются свободно, непринужденно. В них отражается мой личный, очень интимный мир. Через них я говорю со зрителями.